

Б.Н. Бессонов

**Формирование
высших психических функций человека
в контексте марксистской методологии**

К 120-летию со дня рождения Л.С. Выготского

В статье анализируются взгляды Л.С. Выготского — выдающегося отечественного психолога — на развитие высших психических функций человека, которые, по его представлениям, являлись совершенно неисследованной областью психологии.

Ключевые слова: марксистская методология; высшие психические функции; ребёнок; речь; мировоззрение.

Лев Семёнович Выготский прожил короткую, но чрезвычайно интенсивную творческую жизнь (1896–1934). Идеи Л.С. Выготского прочно вошли в фонд научной психологии как отечественной, так и зарубежной. К его трудам обращаются не только психологи, но и философы, лингвисты, деятели культуры и искусства. В психологии Л.С. Выготский выступает и как крупнейший теоретик-методолог, и как видный экспериментатор, разработавший конкретные и оригинальные методики и методы исследования.

Уже в студенческие годы — учился Выготский на юридическом факультете Московского университета — он показал глубокий интерес к научной исследовательской работе. Изучал философию: философию Декарта и Спинозы, классическую немецкую философию и философию Л. Фейербаха, а также философию марксизма. Большое внимание уделял литературоведению, в частности, творчеству Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В. Шекспира. В искусстве его особенно интересовала проблема психологического воздействия искусства на зрителя, слушателя, читателя. Как добиться в искусстве объективных результатов, как объективно оценить восприятие художественного произведения человеком? В 1925 г. Выготский защитил магистерскую диссертацию

на тему «Психология искусства», положения которой позднее были воплощены в одноимённой работе, опубликованной уже после его смерти. Психологические механизмы эстетической реакции невозможно адекватно понять с субъективной точки зрения как переживание субъектом своего собственного внутреннего мира, считает Л.С. Выготский. Нужно выявить объективную основу эстетического восприятия мира. В этой связи ученый выдвинул идею — трактовать искусство как «общественную технику чувств».

В 1924 г. Л.С. Выготский по приглашению директора Психологического института, профессора А.Н. Корнилова из Гомеля переезжает в Москву. С этого времени начинается его целеустремлённая, рождающая новаторские идеи, деятельность в области психологии.

Молодой учёный ставит перед собой задачу — изучить сознание человека как конкретную психологическую реальность. Именно сознание, считает он, должно быть фундаментом психологической науки. Но изучение сознания и создание подлинно научной психологии возможно, по мнению Л.С. Выготского, только на основе марксизма, марксистской диалектико-материалистической методологии. Она подчёркивает, что законы диалектики имеют силу как для движения в природе и человеческой истории, так и для развития сознания и мышления.

Учёный считает, что кризис в психологии есть, прежде всего, кризис её методологических основ. Отсутствует единая научная система, «которая охватывала бы и объединяла всё современное психологическое знание». Это «приводит к тому, что каждое новое фактическое открытие в любой области психологии, выходящее за пределы простого накопления деталей, вынуждено создавать свою собственную теорию, свою систему для объяснения и понимания вновь найденных фактов и зависимостей, вынуждено создавать свою психологию — одну из многих, подчёркивает А.С. Выготский в своей работе «Мышление и речь» [1: т. 2, с. 25].

В конечном счёте кризис психологии своими корнями уходит в её историю. Сущность его заключается в борьбе материалистических и идеалистических традиций. В этой связи Л.С. Выготский осуществил глубокий критический анализ таких широко распространенных в психологии течений, как психоанализ, рефлексология, бихевиаризм, гештальтпсихология, персоналистская психология и т. п.

Конечно, признает Л.С. Выготский, факт подсознательной определяемости ряда психических явлений и факт скрытой сексуальности в ряде деятельностей и форм поведения человека — несомненен. Тем не менее «психоанализ вышел за пределы психологии: превратился в мировоззрение, сексуальность превратилась в метафизический принцип, психология — в метапсихологию... Коммунизм и тотем, церковь и творчество Достоевского, оккультизм и реклама, миф и изобретения Леонардо да Винчи — всё это переодетый и замаскированный пол, секс, и ничего больше» [1: т. 1, с. 307]. В рефлексологии доминирующей является идея условного рефлекса. Здесь также, по мнению Л.С. Выготского, всё чрезмерно.

«Как психоанализ перерос в метапсихологию через биологию, так рефлексология через биологию перерастает в энергетическое мировоззрение, а все в мире — условный рефлекс» [1: там же]. И мысль, и работа, и творчество; Анна Каренина и kleптомания, классовая борьба и пейзаж, язык и сновидения — всё рефлекс, заявляет Л.Н. Выготский, критически дистанцируясь от идей приверженцев рефлексологии. Гештальтпсихология с удивительным однообразием проделала тот же путь, пишет ученый, что психоанализ и рефлексология. Она охватила зоопсихологию — и оказалось, что мышление у обезьян тоже гештальтпроцесс; первобытные миропредставления и создание искусства тоже гештальт; под гештальт подошли и этика, и развитие ребёнка, и психическая болезнь. «Наконец, превратившись в мировоззрение, гештальт оказался в основе мира» [1: т. 1, с. 307].

Персонализм, апеллируя к принципу личности, также перешагнул все пределы психологии — «включил в понятие личности не только человека, но животных и растения... Солнечная система и муравей, вагоновожатый и Гинденбург, стол и пантера — одинаково личности» [1: т. 1, с. 308].

Остро критикует Л.С. Выготский также и эмпирическую психологию. Материал эмпирической психологии, по его мнению, всегда субъективно окрашен, «всегда добыт из узкого колодца индивидуального сознания». Её основной метод, признающий принципиальную субъективность познания психических явлений, настолько связывает науку и ограничивает её возможности, что этим самым навсегда обрекает её на атомизирование психики, её дробление на множество отдельных, не зависимых друг от друга явлений, и неумение собрать их воедино. Эта психология была бессильна ответить на самые основные и первые для всякой науки вопросы. Субъективное свидетельство о собственных переживаниях всегда оказывалось несостоятельным перед генетическими и причинными их объяснениями, перед точным и расчленённым анализом их состава, перед совершенным бесспорным и объективно достоверным констатированием их основных признаков», — утверждал Л.С. Выготский [1: т. 1, с. 69].

Само понятие «душевные явления», которыми оперирует эмпирическая психология, «приписывание им таких признаков и свойств, которые никогда и нигде в мире не обнаруживаются, — значит этим самым исключать саму возможность превращения психологии в точную естественную науку» [1: т. 1, с. 69].

Учёный вскрывает несостоятельность и «понимающей» (описательной) психологии, виднейшие представители которой — В. Дильтей и Э. Шпрангер — видят свою задачу в описании феноменов психической жизни без всякого обращения к вопросам физиологии и поведения. С точки зрения «понимающей психологии», «в психике не действуют никакие законы материи, невозможны никакие причинные отношения. Здесь нужно добиваться субъективного установления ценностей, интуитивного понимания. Здесь господствует феноменологический метод, метод усмотрения духовных «сущностей». Здесь нет разницы между явлением и бытием. Здесь всё то, что кажется действительно» [1: т. 1, с. 135].

Итак, фиксирует Л.С. Выготский, есть три позиции: отказ от изучения психики (бихевиоризм, рефлексология), изучение психики через психические же феномены (описательная психология), познание психики через бессознательное (Фрейд). Это ложные точки зрения, подчёркивает учёный. Он решительно выступил против упрощения психических явлений, сведения их к физиологическому редукционизму, характерному для психоанализа, бихевиоризма, рефлексологии и др. или же — к сугубо внутренним, субъективным переживаниям личности, характерным для «понимающей психологии».

Научная психология, считает Л.С. Выготский, должна исходить из единства психического и физиологического процессов. Для научной психологии психика является частью природы, непосредственно связанной с функциями высшей организованной материи нашего головного мозга [1: т. 1, с. 137]. Согласие мышления и объективного бытия есть одновременно и предмет, и высший критерий, и даже метод, т. е. общий принцип психологии.

Предметом научной психологии, полагает Л.С. Выготский, является изучение поведения и человека, и животных, причем «под поведением следует подразумевать все те движения, которые производятся только живыми существами и которые отличают их от неживой природы. Всякое такое движение представляет собой реакцию живого организма на какое-либо раздражение, либо падающее на организм из внешней среды, либо возникающее в самом организме. Раздражение переходит в некоторый внутренний процесс (нервное возбуждение, восприятие, механическое воспоминание, воображение, мысль) и заканчивается каким-либо ответным движением. Поведения без психики также не существует, как не существует психики без поведения, потому что в конечном счёте психика и поведение — это одно и то же» [1: т. 1, с. 57] — таков вывод Л.С. Выготского.

В этой связи учёный подчёркивает, что поведение (психика) животных и человека является чрезвычайно важной формой приспособления организма к внешней среде. Вместе с тем, отмечает он, животное, даже самое умное, не может усвоить ничего принципиально нового по сравнению с тем, чем оно уже обладает. Оно не сможет сформировать интеллектуальные способности: ни путём подражания, ни посредством обучения. Оно может приспособиться к ситуации лишь с помощью проб и ошибок, оно способно к выучке только путём дрессировки.

В противоположность пассивному приспособлению к среде животных человек приспособляется к среде активно, более того, он приспособляет среду к себе [1: т. 1, с. 84]. В марксистском духе Л.С. Выготский считает, что неотъемлемым элементом приспособления человеком природы к себе и тем самым своего собственного развития является труд, использование и создание средств труда. Он цитирует К. Маркса, заявлявшего: «Употребление и создание средств труда, хотя и свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и поэтому Франклин определяет человека как “a toolmaking animal”, как “животное, делающее орудие”» [2: т. 23, с. 190–191]. Он апеллирует здесь и к Г.В. Плеханову: «Как только человек становится животным, производящим

орудие, он вступает в новую фазу своего развития: его зоологическое развитие заканчивается и начинается его исторический жизненный путь» [1: т. 1, с. 215].

Марксистское положение о роли труда в процессе развития интеллектуальных способностей человека, его сознания и мышления Л.С. Выготский дополняет идеей, имеющей принципиальное значение для его концепции, о необходимой роли в процессе психического развития человека, формирования его высших психических функций, психологических орудий или инструментов. Психологические орудия, представляющие собой определённые знаки, — это прежде всего язык, различные формы нумерации и исчисления, мнемотехнические приспособления, алгебраическая символика, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, карты, чертежи, другие всевозможные условные знаки и т. д.

«Психологические орудия, пишет Выготский, являются новым, средним членом между объектом и направленной на него психической операцией. Они видоизменяют протекание и структуру психических функций, преобразуя в этой связи и процесс естественного приспособления человека к внешнему миру. Этот процесс принимает теперь характер опосредованного акта, становится теперь интеллектуальной, сознательной операцией» [1: т. 3, с. 120].

Сознание и мышление, развившиеся с помощью психологических орудий, становятся, подчёркивал Л.С. Выготский, решающим фактором влияния на поведение человека. Они, в сущности, определяют всю структуру его поведения. Именно дифференциация естественной, нерасчленённой природной целостности и выделение таких двух полюсов, как объект и знак, каковым выступает психологическое орудие, и являются характерной чертой новой высшей психической функции, новой высшей структуры поведения. При помощи психологических орудий — интеллектуальных знаков — человек развивает процесс мышления в собственном смысле слова, т. е. образует понятия, суждения, умозаключения и, благодаря этому, подчиняет своей власти внешний мир, овладевает своим собственным поведением, также подчиняя его своей власти.

Очевидно, что в качестве универсального психологического орудия, изменяющего психические функции человека, выступает прежде всего языковой знак — слово, речь. Речевое мышление — это уже не природная, натуральная, а общественно-историческая форма поведения человека. Посредством слова поведение человека включается в контекст культурной детерминации. «Все высшие психические функции (мышление и речь) суть интериоризованные социальные отношения; именно они представляют основу и определяют суть социальной структуры личности. Человек даже наедине с собой сохраняет функции социального общения» [1: т. 3, с. 145] — подчёркивает Л.С. Выготский.

Изменяя известное положение К. Маркса, учёный заявляет, что можно утверждать, что психическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесённых внутрь и ставших функциями личности и формами её структуры. В этом положении К. Маркса — наиболее полное выражение всего того, к чему приводит нас история культурного развития [1: т. 3, с. 146]. Историческое, генетическое обоснование своих основополагающих идей

о культурном развитии человека, о формировании его высших психических функций, об овладении им своим поведением Л.С. Выготский подтверждает глубоким всесторонним анализом социального и психического развития ребёнка.

Конкретизируя общий генетический закон культурного развития, учёный отмечает: «Всякая функция в культурном становлении человека проявляется по сути дважды: сперва в социальном плане, потом в психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребёнка как категория интропсихическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли. То есть за всеми высшими психическими функциями генетически стоят реальные социальные отношения. Поэтому можно обозначить основной результат, к которому приводит история культурного развития ребенка, как социогенез высших форм поведения. В широком смысле все культурное развитие есть продукт социальной жизни и общественной деятельности человека. Знак, как и орудие труда, является по существу общественным органом или социальным средством» [1: т. 3, с. 145].

Вместе с тем культурное развитие ребенка по своему содержанию, полагает Л.С. Выготский, может быть охарактеризовано как развитие личности и мировоззрения ребенка. Личность в данном понимании имеет более узкий смысл, чем в обычном словоупотреблении. «Мы не причисляем сюда всех признаков индивидуальности, отличающих ее от других индивидуальностей, — заявляет он, — мы склонны поставить знак равенства между личностью ребенка и его культурным развитием. Личность в таком случае есть понятие социальное, оно охватывает надприродное, историческое в человеке. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения. В этом смысле коррелятом личности будет отношение натуральных, примитивных и высших психических реакций» [1: т. 3, с. 315].

«Под мировоззрением же, — продолжает Л.С. Выготский, — мы также не склонны понимать какие-либо логически продуманные, оформленные в осознанную систему взгляды на мир и его важнейшие части. Мы склонны употребить это слово тоже в синтетическом смысле, соответствующем личности в плане субъективном. Мировоззрение — это культурное отношение ребенка к внешнему миру. В этом смысле у животного нет мировоззрения и в этом же смысле его нет у ребенка, иногда вплоть до поры полового созревания. Мы вкладываем в термин “мировоззрение” чисто объективное значение того способа отношения к миру, который есть у ребенка» [1: т. 3, с. 315].

При этом, уточняет он, следует учитывать, что личность развивается как целое, всемерно продвигая и поддерживая все стороны психической жизни. Сам характер культурного развития, в отличие от естественного, обуславливает то, что ни память, ни внимание, взятые как таковые и предоставленные самим себе, не могут перейти в процессы общего культурного поведения. «Сущность культурного развития заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для овладения является образование личности, и поэтому развитие той или иной

функции всегда происходит от развития личности в целом и обусловлено им» [1: т. 3, с. 316].

Важные мысли высказал Л.С. Выготский относительно взаимосвязи у ребенка мышления и речи. В начале процесса развития ребенка слово (речь) является рефлекторной реакцией и развивается независимо от мышления (и мышление также развивается независимо от речи). Называя отдельные предметы, ребенок расчленяет синкретическую массу впечатлений и тем самым устанавливает между отдельными предметами объективную связь. Речь рождает жест, развивает внимание, способность рисовать, играть и даже писать. В полтора-два года происходит решительный перелом. Речь становится связанной с мыслями, мысль становится речевой. Механическая память становится логической. Ассоциативная связь представлений — осознанным, целенаправленным мышлением, импульсивные, стихийные действия — волевыми [1: т. 3, с. 167, 316].

Л.С. Выготский особо подчеркивает, что при решении проблемы соотношения речи и мышления крайне важно понимание не только одних слов, указывающих на те или иные предметы, но и раскрытие смысла речевого мышления: его мотивацию, аффекты, эмоции, побуждение и потребности. Выготский считает, что прежние теории, пытавшиеся решить проблему соотношения слова и мышления, поляризовались вокруг двух противоположных учений. Один полюс отражает чисто бихевиористское понимание мышления и речи, нашедшее своё выражение в формуле: мысль есть речь минус звук. Другой полюс представляет крайне идеалистическое учение, развитое представителями Вюрцбургской школы и А. Бергсоном о полной независимости мысли от материи, от слова, об искажении, которое вносит слово в мысль. «Мысль изреченная есть ложь» — эти тютчевские слова могут служить формулой, выражающей самую суть этих учений. Все эти учения обнаруживают одну общую точку — глубочайший и принципиальный антиисторизм. Все они колеблются между полюсами чистого натурализма и чистого спиритуализма.

Правильное соотношение слова и мысли заключено, по мнению Выготского, в выводе: «отношение мысли к слову есть живой пример рождения мысли в слове. Слово, лишенное мысли, мертвое слово. Но и мысль, не воплотившаяся в слове, также пуста, абстрактна, бессодержательна». Как говорил Гегель, слово — бытие, оживленное мыслью [1: т. 1, с. 151; т. 2, с. 360].

В конечном счете приобретение речью социальных функций и выход за пределы естественной органологии через употребление орудия — вот два важнейших момента, по мысли Выготского, которые подготавливают в первые поры жизни ребёнка важнейшие изменения, которые становятся затем основой его дальнейшего культурного развития. При этом, отмечает Л.С. Выготский, каждое действие ребёнка в переходный период от натуральной к культурной жизни носит ещё «смешанный животное-человеческий, природно-исторический, примитивно-культурный или органически-личностный характер». Выготский согласен с выдающимся швейцарским учёным Ж. Пиаже, который обозначил эту переходную стадию в развитии ребёнка как стадию магическую. «Личность

и мировоззрение ещё не расчленены, слиты в одном магическом действии» [1: т. 3, с. 320].

Вместе с тем Л.С. Выготский «поправляет» Ж. Пиаже. Если для Ж. Пиаже процесс развития ребёнка — это постепенный процесс социализации, преодоление эгоцентризма, то, по мнению Выготского, ребёнок с самого рождения — существо социальное, а то, что Пиаже считает проявлением эгоцентризма, с точки зрения Выготского, является попыткой ребёнка в духе проб и ошибок освоить социальный мир, в который он включен с самого начала; т. е., по мнению Л.С. Выготского, развитие ребёнка идёт в конечном счёте к превращению социальных отношений в психические функции.

Итак, именно социально-культурное развитие обуславливает и развитие высших психических функций и ребёнка, и, конечно, в целом человека, которые, согласно Л.С. Выготскому, включают: во-первых, овладение дополнительными интеллектуальными инструментами приспособления к внешнему миру (языком, письмом, счётом и т. д.) и, во-вторых, овладение собственным поведением на основе развития мышления, логической памяти и т. д., т. е. становления личности и формирования её мировоззрения.

В этой связи Л.С. Выготский критикует многих психологов старой школы, которые, игнорируя проблему генезиса и суть высших психических функций, обусловленных историческим, культурно-социальным развитием, односторонне разделяли психику на физиологическую, естественнонаучную, объяснительную, или каузальную, и на «понимающую», описательную, или телеологическую, «психологию духа» как основы гуманитарных наук (что и привело в своё время к кризису в психологии [см. 1: т. 3, с. 17]). Выготский считает, что в научной психологии следует учитывать взаимодействие природных и культурных взаимосвязей в развитии психики отдельного человека. Во всяком случае, в онтогенезе обе эти стороны развиваются одновременно и совместно, «образуя сплетение двух различных по существу генетических процессов» [1: т. 3, с. 24].

Тем не менее различать натуральные, естественные, низшие и высшие психические функции в науке необходимо. Натуральные обусловлены главным образом биологическими факторами. Высшие психические функции возникают исторически, в процессе культурного развития. Если природные психические функции выступают как нечто целое, если стимулы и реакции в них органично связаны, то на уровне высших психических функций между стимулом, на который направлено поведение, и реакцией человека «выдвигается вспомогательный промежуточный член — знак (то, что имеет значение) и принимает опосредованный, произвольный сознательный характер. Это означает, что человек овладел и владеет своим собственным поведением» [1: т. 3, с. 115, 116].

Подчёркивая, что важнейшей чертой высших психических функций человека является интеллектуальная активность, Л.С. Выготский противопоставляет её бихевиористской активности, реализующейся по схеме: стимул – реакция. Разъясняя свою позицию, Выготский анализирует ситуацию бурдиданова

осла. Человек эту неопределенную ситуацию разрешает с помощью интеллектуальных усилий, обусловленных использованием дополнительного или вспомогательного стимула — средства или знака. При помощи знака (прежде всего — знака языка) человек создаёт в мозгу новые связи, придаёт им соответствующее значение и волевые аффективно-мотивационные смыслы, которые позволяют ему сделать выбор, т. е. принять осознанные самостоятельные решения.

В ситуации буриданова осла у детей средством принятия решения зачастую служит жребий, дающий им мотив и стимул для действия. Он, ребенок, условливается сам с собой, что если кость выпадает чёрной масти, он предпринимает одни действия, если белой — другие. Определение значений и вскрытие смыслов, мотивов, поступков, по мнению Выготского, чрезвычайно важны именно потому, что они рождают мысль, управляют ее течением и побуждают человека к действиям. В конечном счете только поступок может дать ответ на последнее «почему» в анализе мышления человека (см.: [1: т. 2, с. 357, 359]).

В качестве примера Выготский приводит подлинный смысл последней реплики Чацкого из «Горе от ума» А.С. Грибоедова: «Карету мне, карету!» Она отнюдь не означает, что Чацкий требует карету, чтобы немедленно уехать от Фамусова. Смысл её в том, что он порывает с лицемерным, ханжеским, тупым обществом.

Ученый делает вывод, что апелляция к знаку, к определяемым им значению и смыслу есть общий закон психического развития человека с самого его рождения. Посредством знака ребёнок усваивает социальные формы общения и включает их в систему внутреннего личного поведения. Словесное мышление, размышление — это перенесение речи внутрь, это разговор с самим собой.

В конечном счёте все высшие психические функции есть интериоризованные отношения социального порядка, настойчиво подчёркивает учёный. Поэтому, обращаясь к индивидуальному развитию ребёнка, нужно выяснить не то, как он ведёт себя в коллективе, а как коллектив создаёт у того или иного ребёнка высшие психические функции, утверждает Л.С. Выготский (см.: [1: т. 3, с. 146]). Именно поэтому главной чертой онтогенеза психики является интериоризация ребёнком структуры его внешней, социально-символической (т. е. совместно со взрослыми и опосредованной знаками) деятельности. В результате «натуральные» психические функции становятся «культурными», осознанными и произвольными. Тем самым интериоризация в конечном счёте выступает как социализация. В ходе интериоризации структура внешней деятельности трансформируется и «сворачивается» и затем «разворачивается» в процессе экстериоризации, когда на основе высших психических функций строится «внешняя» социальная деятельность.

На основе этих выводов учёный создал новое направление в детской психологии, главным тезисом которого является положение о «зоне ближайшего развития». «Зона ближайшего развития» — период времени, в котором происходит переструктуризация психических функций и поведения ребёнка под воздействием интериоризации, «взращивание» в его сознании структуры совместной со взрослыми знаково-опосредованной деятельности.

В этой связи Выготский выдвинул положение о том, что обучение ребёнка должно опережать развитие. В этом случае обучение вызывает к жизни целый ряд функций, находящихся в стадии созревания, то есть выявляет потенциальные способности ребёнка, лежащие в зоне его ближайшего развития. При этом, уточняет он, обучение ни в коем случае не должно подавлять естественные влечения ребёнка; его главная цель — помочь ребёнку самостоятельно овладеть своим поведением.

* * *

В 2016 году исполняется 120 лет со дня рождения Льва Семёновича Выготского. Он прожил мало — всего 38 лет, но сколько высказал и обосновал глубоких творческих идей! Идей, которые актуальны и сегодня, которые рождают новые мысли, новый поиск ответов на вопрос «почему» в анализе высших психических функций человека, его сознания и мышления. И его поведения. Ведь для Л.С. Выготского предметная деятельность человека — это главное. Деятельность детерминирует сознание. Мысль и дело, дело и мысль — вот принцип жизни по Л.С. Выготскому.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 24. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 654 с.

Literatura

1. *Vygotskij L.S.* Sbranie sochinenij: v 6 t. M.: Pedagogika, 1982.
2. K. Marks i F. E'ngel's. T. 24. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1960. 654 s.

B.N. Bessonov

Formation of the Higher Mental Functions of the Person in the Context of Marxist Methodology

On the 120th Anniversary of L.S. Vygotsky' Birth

The article analyzes L.S. Vygotsky' views, who is an outstanding Russian psychologist — on the development of human higher mental functions, which, according to his ideas, were completely unexplored field of psychology.

Keywords: Marxist methodology; higher mental functions; child; speech; outlook.